

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**С. Салменниemi,
А. В. Бородина, Д. Ю. Бородин,
В. Раутио**

Логика развития общественных организаций в современной России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Salmenniemy_2009_1.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. Салменниemi, А.В. Бородина, Д.Ю. Бородин, В. Раутио

По оценкам исследователей в современной России насчитывается около 500 тыс. общественных организаций, однако лишь около 360 тыс. официально зарегистрировано¹. В общественном секторе занято от 2 до 2,5 млн. человек, а около 30 млн. россиян ежегодно пользуются услугами общественных организаций. [Якимец 2002; Здравомыслова 2005]. За последние 15 лет российские НПО заметно изменились. Самыми значимыми из произошедших с ними изменений ученые считают институционализацию, локализацию, профессионализацию, увеличение роли зарубежного финансирования и изменение характера взаимоотношений между общественными организациями и гражданами.

Институционализация общественного сектора проявилась, прежде всего, в процессе "НПО-изации": неформальные клубы и разрозненные общественные движения времен перестройки превратились в более структурированные и специализированные организации. Одновременно с этим пошла на спад массовая общественно-политическая активность: число организаций увеличилось, но членство в них сократилось. Институционализации российских общественных организаций способствовало и формирование в 1990-е годы законодательной базы, регулирующей гражданскую деятельность. Были приняты и вступили в силу законы "Об общественных объединениях", "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" и "О некоммерческих организациях". В 2006 г. были приняты поправки к закону об общественных объединениях, что серьезно повлияло на деятельность НПО.

Другое изменение состояло в том, что значительная часть НПО стала носить локальный характер, в отличие от СССР, где, как правило, общественные организации работали во всесоюзном масштабе, располагая центральными органами в Москве. Сегодня главной ареной проявления гражданского активизма являются местные сообщества [Yanitsky 2000: 6]. Хотя ряд всесоюзных организаций, основанных в советское время, существуют по сей день, а некоторые крупные организации имеют свои отделения в российских регионах, современная гражданская активность, как правило, порождена местными проблемами и потребностями.

Кроме того, отмечается, что российские НПО стали более профессиональными. Профессионализация, однако, не относится в равной степени ко всем общественным организациям и регионам. Она в большей степени присуща организациям, функционирующим в крупных городах и получающим зарубежное финансирование, поскольку доноры стремятся повернуть

САЛМЕННИЕМИ Суви, Ph.D, научный сотрудник факультета социологии университета Хельсинки; БОРОДИНА Анна Владимировна

¹ На декабрь 2006 г.

общественные организации на профессиональную стезю [Richter 2002; Здравомыслова 2005].

По оценкам исследователей, существенное влияние на общественный сектор России по-прежнему оказывает зарубежное участие и финансирование. Проекты, направленные на развитие гражданского общества, являются финансовыми приоритетами для многих западных донорских организаций. Среди тех, кто оказывает помощь в развитии гражданского общества в России, первое место, безусловно, занимают донорские организации США [Henderson 2003: 69]. Поддержка из-за рубежа оказала большое влияние на развитие НПО в России, предлагая идеи, идеологии и модели для их деятельности. Эти модели были переработаны и соответствующим образом приспособлены для использования в местных условиях [Hemment 2004]. Однако, начиная с 2000 г., зарубежная донорская поддержка российских общественных организаций имела тенденцию к заметному сокращению.

Центральным является вопрос о взаимодействии общественных организаций и граждан. НПО в России в целом не смогли заинтересовать население своей деятельностью. Лишь 35% россиян заявили о своем членстве, по крайней мере, в одной общественной организации [Kubik 2005: 110]. Здравомыслова полагает, что репутация НПО в России крайне низка, им не доверяют, что во многом связано с недоверием российского общества к общественным институтам в целом. Тем не менее, те, кто пользуется услугами общественных организаций и получает от них поддержку, как правило, относятся к общественным организациям положительно.

* * *

159

В нашей статье анализируется динамика общественного сектора в Твери с точки зрения структуры и членства, самоопределения и основных видов деятельности, сведения о лидерах организаций, паттернов финансирования и сотрудничества/партнерства с другими организациями, а также взаимодействия НПО с властями. В основу статьи положены результаты исследования, проведенного в Твери в 2004-2005 гг. в рамках совместного научного проекта Университета Хельсинки и Тверского государственного университета. Исследование проводилось в форме индивидуальных интервью с лидерами официально зарегистрированных НПО, отобранных методом стратифицированной выборки. Из 628 НПО, официально зарегистрированных в Твери на 2004 г., в репрезентативную выборку вошли 105 организаций. Полученные в ходе исследования данные были закодированы и проанализированы с использованием метода SPSS для статистической программы Windows.

Целью исследования было изучение особенностей деятельности НПО в конкретном регионе России для выявления логики развития и функционирования российских общественных организаций.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА ТВЕРИ

Организации, действующие в общественном секторе Твери, весьма разнообразны по своим характеристикам. 26% опрошенных организаций были созданы еще в советское время, однако подавляющее большинство организаций — 74% — возникли между 1992 и 2005 гг. Пик создания общественных

организаций пришелся на 1996-1999 гг. - 43% организаций было основано именно в этот период. Таким образом, ситуация в Твери не противоречит "тезису о НПО-изации", т.е. общее число зарегистрированных организаций заметно увеличилось во второй половине 1990-х годов [см. Brygalina, Temkina 2004; Якимец 2002; Шереги, Абросимова 2002: 304]. Это можно объяснить — по крайней мере, частично — интенсивной зарубежной финансовой поддержкой, оказанной в тот период российским общественным организациям.

Была проанализирована степень профессионализации общественных организаций. К профессиональным можно отнести организации, имеющие собственный офис и оплачивающие труд своих сотрудников. 33% изученных организаций отвечали этим условиям, 30% организаций не обладали ни офисом, ни оплачиваемым персоналом, что позволяет отнести их к категории непрофессиональных². НПО, основанные в советское время, оказывались профессиональными чаще, чем созданные в постсоветскую эру. Интересно, что статистически значимых различий между организациями, получавшими поддержку из зарубежных источников, и теми, кто ее не получал, замечено не было. Это может означать, что зарубежное финансирование не обязательно ведет к усилению профессионализма.

Общественные организации Твери в основном опираются на труд добровольцев. Более половины исследованных организаций, 57%, были не в состоянии платить зарплату кому-либо из сотрудников, а 87% организаций могли платить зарплату не более чем десяти сотрудникам³. Это означает, что работа в общественных организациях не обязательно оборачивается денежным доходом. Следует отметить, что некоторые респонденты объясняли преобладание женщин в руководимых ими организациях тем, что занятие общественной работой не приносит дохода. Женщина-руководитель организации, действующей в сфере социального обеспечения и охраны здоровья, так объяснила ситуацию: *"Мы не можем всем зарплату платить, мужчине больше интересуют деньги — он кормилец семьи. Средний медперсонал — женщины"*. По словам другой женщины, возглавляющей культурно-образовательную организацию: *"Много денег здесь не заработаешь, мужчины не хотят тратить время впустую"*

Несмотря на то, что участие в общественной деятельности не приносит автоматически экономического капитала в форме зарплаты, оно может принести экономический капитал в другой форме, например, через доступ к различным благам — таким, как поездки за границу, персональный компьютер или подключение к Интернету. Кроме того, участие в деятельности НПО может также открыть доступ к приобретению нового культурного капитала — в том числе, за счет обучающих программ по иностранному языку и компьютерной грамотности, а также помочь укрепить уже существующий культурный капитал - например, открывая путь к профессиональной карьере. Такой культурный капитал, приобретенный в общественных организациях, может позднее обернуться экономическим капиталом на рынке труда.

²27% исследованных организаций имели свой офис, но не оплачивали труд сотрудников, тогда как 10% организаций оплачивали труд своих сотрудников, но не имели своего офиса.

³ Аналогичные результаты были получены в ходе исследования, проведенного в Самарской области [Романов 2002].

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Значительный интерес представляет вопрос о самоопределении НПО. В ходе анкетирования респондентам было предложено выбрать не более двух характеристик, лучше всего описывающих их организации. Чаще всего лидеры позиционировали свои организации как *общественные*, далее по частоте выбора шли такие определения как *негосударственная, некоммерческая организация* и "часть гражданского общества". Популярность концептов общественной и некоммерческой организаций, по-видимому, проистекает из того, что они являются организационно-юридическими категориями, в соответствии с которыми общественная деятельность определяется в законодательстве. Реже всего респонденты выбирали такие характеристики, как "государственная организация" и "гражданские активисты".

Общественная организация оказалась наиболее популярной самоидентификацией как для старых, так и для новых организаций: 77% старых и 57% новых организаций выбрали именно это определение. 37% старых и 27% новых организаций определили себя как негосударственная, некоммерческая организация, а 19% старых и 27% новых организаций — как часть гражданского общества. Термин "третий сектор" использовался исключительно новыми организациями. Интересно, что ни одна из групп, получающих зарубежное финансирование, не идентифицировала себя с третьим сектором, хотя именно эта модель активно пропагандировалась зарубежными донорами [Hemment 2004]. Стоит также отметить, что в качестве третьего сектора идентифицировали себя три политические партии. Ни одна из тверских организаций, работающих в сфере социального обеспечения, не идентифицировала себя с третьим сектором, хотя на Западе именно такого рода организации обычно считаются основными агентами третьего сектора. Это показывает, что термин "третий сектор" в России приобрел отчасти иной оттенок значения, чем в западных обществах.

161

Кроме того, респондентам предлагалось выбрать три наиболее значимых вида деятельности своих организаций. Наиболее популярной сферой приложения усилий тверских НПО по итогам опроса оказались образование и воспитание: целых 60% организаций заявили, что занимаются именно этими видами деятельности⁴. Представляется, что образование преобладает среди круга забот общественных организаций в целом по России [Yanitsky 2000: 120; Шереги, Абросимова 2002: 312]. Думается, что общественные организации свято верят в образование как одну из важнейших форм организационной деятельности и эффективный способ достижения целей. Популярность образовательной деятельности, по-видимому, объясняется как российскими историческими традициями, так и тем, что зарубежные доноры активно финансируют образовательные проекты.

Помимо образования, тверские НПО активно вовлечены в подготовку общественных мероприятий и осуществление совместных проектов с городской и областной администрацией. Более 25% организаций создавались как группы взаимопомощи. Реже всего тверские общественные организации были задействованы в совместных проектах с федеральными властями и депутатами

⁴ Непосредственно образование также оказалось одним из наиболее часто выбираемых респондентами видов деятельности (34% организаций).

Государственной Думы, а также в организации забастовок. Это означает, что, во-первых, общественные организации достаточно редко занимаются протестной деятельностью, а, во-вторых, что они в своей работе ориентированы больше на местный, чем на федеральный уровень.

ЧЛЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Тверские НПО отличаются друг от друга по размеру. С одной стороны, большинство организаций весьма малочисленны: 39% организаций объединяли до 50 человек, а 53% — от 50 до 100 человек. С другой стороны, треть организаций (33%), оказались относительно крупными, насчитывая более 400 членов. В целом, однако, представляется, что характерной чертой российских общественных организаций является относительная малочисленность [Романов 2002; Ковалев 2002; Ненгу 2002].

Чтобы выяснить, обладают ли организации, созданные после распада СССР, меньшим количеством членов по сравнению с массовыми организациями, основанными в советское время, — мы кросс-табулировали количество членов в организациях и год создания этих организаций (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество членов НПО в зависимости от времени основания организации (n=104)

Количество членов	Год основания организации		Итого %
	1919-1991	1992-2005	
0-399	33	77	65
400 и более	67	23	35
Итого %	100	100	100

162

Различия между постсоветскими и советскими организациями с точки зрения членства в них статистически очень важны⁵. В организациях, основанных в советское время (профсоюзы, советы ветеранов), состоит больше членов, чем в новых организациях. "Старые" организации обладают разветвленной организационной структурой, унаследованной со времен СССР. Новые - в основном являются небольшими и локальными; они не могут привлечь большое количество новых членов и не всегда ставят перед собой такую задачу.

Лидерам тверских НПО было предложено определить долю женщин и мужчин в составе своих организаций. Результаты исследования показали, что женщины чаще мужчин участвуют в общественных организациях: они численно преобладали в 54% изученных нами общественных организаций, тогда как мужчины - в 33%. Лишь в 12% организаций доля женщин и мужчин была примерно одинаковой. Если исключить из выборки политические партии, то количество организаций, в которых численно преобладают женщины, возрастет до 56%. Кроме того, женщины и мужчины, как правило, входят в разные типы орга-

⁵ Тест Chi-Square: 0.000, p 0.001.

⁶ Нами не замечено статистически значимых различий между организациями, созданными в советское время, и постсоветскими организациями с точки зрения распределения полов среди членов этих организаций.

низаций: женщины составили подавляющее большинство в общественных организациях, занимающихся вопросами соцобеспечения и здравоохранения, образования, защиты окружающей среды и культуры. Фактически, ни в одной из организаций такой направленности не было отмечено численного преобладания мужчин. В этом случае мы сталкиваемся с зеркальным отражением тендерного разделения труда, сложившегося на рынке труда. Напротив, в военно-патриотических и правозащитных группах мужчины численно преобладали, — так же, как и в пяти из шести исследованных нами политических партиях. Что касается тех организаций, среди членов которых доля мужчин и женщин оказалась примерно одинаковой, то они в большинстве своем действовали в сфере спорта и досуга, образования и культуры. Однако следует отметить, что во всех вышеуказанных сферах деятельности доля организаций, в которых женщины и мужчины были представлены примерно одинаково, не превышала половины от общего числа организаций, занимающихся этими видами деятельности.

Особый интерес представляют используемые общественными организациями стратегии рекрутирования новых членов, позволяющие выявить связи между формальными организациями и неформальными социальными сетями. Россию часто называют "обществом социальных сетей", в котором значительную роль играют личные контакты и связи [Ledeneva 1998; Lonkila 1999]. Насколько значимы социальные сети в деятельности общественных организаций? Каналы рекрутирования можно разделить на "публичные" и "частные" [Snow, Zurcher, Ekland-Olson 1980: 790]. К частным каналам относят личные и служебные контакты, тогда как к публичным - средства массовой информации, Интернет и публичные мероприятия. Основными стратегиями рекрутирования в исследованных нами организациях были личные контакты - друзья, знакомые, члены семьи (в 32 случаях), проведение публичных мероприятий (в 25 случаях) и служебные контакты (коллеги, товарищи по работе) (в 14 случаях). 17 организаций заявили, что они не ищут активно новых членов. Если мы объединим первичные и вторичные стратегии рекрутирования, то получим следующую картину (см. табл. 2).

Таблица 2

Наиболее значимые стратегии рекрутирования в исследованных НПО (n=103)

Виды стратегий рекрутирования	Частотность
Частные каналы	
Личные контакты (друзья, знакомые, члены семьи)	45
Служебные контакты (товарищи по работе, коллеги, партнеры)	29
Публичные каналы	
Публичные мероприятия	43
Сообщение о деятельности организации в СМИ	20
Через Интернет	1
Мы не ищем активно новых членов	23
Иное	17

Личные контакты оказались самой важной стратегией рекрутирования: 74%

организаций используют их для поиска новых членов. Чаще всего с этой целью использовались контакты среди друзей, знакомых и родственников — на них полагались 45% организаций. Публичные каналы оказались в целом менее значимыми, хотя организации отмечали, что довольно часто привлекают новых людей через различные мероприятия.

Симптоматично, что эти результаты перекликаются с данными Хендерсон, установившей, что женские организации также не выказывали особого интереса в привлечении новых участников [Henderson 2003: 113]. Исследователями установлено, что многие российские женские группы выстраиваются вокруг личных связей и неформальных сетей [Sperling 1999; Henderson 2003:133]. Выявление сходных паттернов в российском экологическом движении [Henry 2002; Yanitsky 2000: 145] позволяет предположить, что не-рекрутирование, с одной стороны, и рекрутирование через частные каналы, с другой стороны, характерны для всего организационного сектора постсоветской России.

Малочисленность новых общественных организаций и преобладание рекрутирования через частные каналы указывает на то, что российские НПО часто создаются вокруг ранее сложившихся социальных сетей. Представляется, что эти организации выступают как *институционализируемая форма социальных сетей*. Существуют определенные стимулы для превращения социальной сети в зарегистрированную организацию. Как заметил С.Сэмпсон [Sampson 2002: 91], "социальные сети не могут получать гранты, а вот автономные ассоциации могут". Приобретая статус организации, социальная сеть укрепляет свой потенциал. Институционализацию социальной сети можно интерпретировать как попытку конвертировать социальный капитал в экономический, поскольку статус организации открывает потенциальный доступ к государственному и зарубежному финансированию.

Статус организации может способствовать и накоплению культурного капитала, например, за счет предоставления доступа к различным тренинговым программам. Такая связь между организациями и социальными сетями опровергает аргумент М.Ховарда [Howard 2003] о негативном воздействии неформальных социальных сетей на развитие общественных организаций в постсоциалистических обществах. Нам, напротив, представляется, что частные сети, могут активно содействовать гражданскому участию, а *социальные сети и организации не следует рассматривать как взаимоисключающие друг друга структуры*. Неформальные сети были неотъемлемой частью повседневных практик в советское время, и они продолжают функционировать как один из механизмов рекрутирования новых членов для современных общественных организаций [Yanitsky 2000: 137].

Хотя использование социальных сетей не является исключительно российским феноменом, выступая значимым фактором общественной жизни западных обществ [Diani2004; Snow et al. 1980; McAdam, Paulsen 1993], представляется, что существуют различия в удельном весе сетей рекрутирования для российских и западных организаций. Мак-Адам и Полсен ввели в научный оборот понятия индивидуальных и организационных связей. Индивидуальные связи носят межличностный характер; новые члены рекрутируются в пределах частных социальных сетей действующих членов этих организаций, например, их родителей, родственников и друзей. Напротив, организационные связи подразумевают рекрутирование из других общественных организаций и групп через

проведение различных мероприятий и собраний. На примере конкретного американского движения Мак-Адам и Полсен показали, что при поиске новых участников проекта организационные связи были эффективнее индивидуальных. В российских же НПО главную роль играют частные каналы и индивидуальные связи, тогда как организационные связи выражены слабо. Например, ни одна организация из тверской выборки не упомянула о рекрутировании новых членов из других НПО, и лишь немногие лидеры организаций заявили о своем членстве в какой-либо НПО помимо собственной.

Таким образом, для российских НПО организационные связи предположительно менее значимы, чем для организаций США, тогда как индивидуальные связи, напротив, приобретают большее значение. Важность рекрутирования в общественные организации из частных сетей в России также связана с проблемой доверия: по данным всероссийского опроса, проводившегося в 2003 г., люди в большинстве своем склонны доверять членам своих семей и близким родственникам (83%), а также друзьям (54%) [Petukhov 2005].

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

Анализируя характеристики руководителей тверских НПО, можно получить сведения о том, кто наиболее активно участвует в деятельности этих организаций. Результаты исследования показывают, что мужчины составляют 52% руководителей, а женщины - 48%. Таким образом, несмотря на то, что женщины, как правило, больше и чаще мужчин участвуют в работе НПО, последние чаще становятся лидерами этих организаций. Это можно рассматривать как проявление тендерных практик, таких, например, как бытующее в культуре стереотипное ассоциирование лидерства с маскулинностью. Аналогичный тендерный паттерн также проявился в общественно-политических движениях и организациях времен перестройки. Как правило, их возглавляли мужчины, тогда как женское участие проявлялось, главным образом, на рядовом уровне [White 1999: 16-17].

Практически все руководители исследованных нами организаций были образованными: 89% руководителей НПО получили высшее образование⁷. Исходя из этих данных, можно предположить, что в период социальной трансформации работа в общественных организациях стала одной из форм деятельности образованных классов для защиты своих интересов, взаимопомощи и поддержки перемен в обществе на микро- и макроуровнях. Некоторые представители интеллигенции нашли в общественной деятельности способ приобрести (или сохранить) профессиональную квалификацию и просто выжить в новых условиях. Постсоветский опыт показывает, насколько тесно гражданский активизм связан с созданием новой классовой структуры. Изменения в удельном весе и конвертируемость разных типов капитала создали различные стратегии общественно-политического участия для разных социальных групп.

Иллюстрацией связи между гражданской активностью и образованием может служить и тот факт, что общественная деятельность иногда протекает под эгидой университетов, других образовательных учреждений, а также науч-

⁷ Эта цифра достигает 91%, если мы примем в расчет тех лидеров, которые имеют незаконченное высшее образование. Другие исследователи также отмечали активную и даже доминирующую роль интеллигенции в постсоветском общественной деятельности [Yanitsky 2000; Здравомыслова 2005].

но-исследовательских институтов⁸. Университеты со времени дискуссионных кружков и клубов эпохи перестройки зарекомендовали себя как структуры, предоставляющие возможность заниматься независимой общественной деятельностью [Alarigo 1993: 203-4; Urban et al. 1997: 32-33].

Большинству руководителей изученных нами организаций — 63% — было от 41 до 60 лет, т.е. их можно отнести к советскому поколению. Любопытно, что лишь 7% руководителей были моложе 30 лет. Данные возрастные рамки интересным образом отражают результаты всероссийского опроса, проведенного в 2003 г., в соответствии с которыми вера в коллективные действия и желание участвовать в них для достижения своих целей увеличивались с возрастом опрошенных. По сути дела, именно те, кто был старше 41 года, больше всего верили в коллективные действия, а ведь это та же самая возрастная группа, в которую в большинстве своем вошли руководители исследованных нами тверских организаций. Напротив, возрастная группа от 18 до 40 лет предпочитала больше полагаться на самих себя, чем на коллективные действия [Petukhov 2005].

Чтобы получить представление о временных ресурсах руководителей организаций⁹, мы задали им вопрос о количестве несовершеннолетних детей, проживающих вместе с ними (собственные дети, внуки и т.д.). Статистический анализ показал, что 52% руководителей не имели несовершеннолетних детей, у 42% были один или два ребенка, а у 6% - три и более детей. Тот факт, что большинство лидеров не имело несовершеннолетних детей, проживающих вместе с ними, может быть связан с возрастом руководителя: более 50% руководителей были в возрасте от 41 года до 60 лет. Можно предположить, что даже если у этих людей были дети, то они уже выросли и не живут вместе с родителями, что, вероятно, оставляет таким руководителям больше времени для участия в общественной деятельности. Одна женщина-активистка объяснила мотивы своего участия в общественной деятельности следующим образом: *"Ну, мне самой очень интересно. А потом я очень долго сидела с детьми дома. И даже если не дома, а работала, то все равно мне приходилось быстрее бежать домой, чтобы ухаживать за детьми. А сейчас дети выросли. И у меня появилось много свободного времени. Мне хочется это время употребить для себя, и вот для других людей"*.

Кросс-табуляционный анализ количества несовершеннолетних детей и пола руководителей организаций показывает, что различия между женщинами-руководителями и мужчинами-руководителями являются статистически значимыми¹⁰: 66% женщин-руководителей не имеют детей, 34% имеют одного и более детей, тогда как для мужчин-руководителей данное процентное соотношение является прямо противоположным: у 40% нет детей, а 60% имеют одного и более детей. Это показывает, что женщины могут больше и чаще участвовать в общественной деятельности, если у них нет несовершеннолетних детей, тогда как для мужчин наличие несовершеннолетних детей, похоже, не является препятствием для участия в общественной деятельности.

⁸ 13% исследованных нами организаций заявили, что проводят свои встречи в различных образовательных учреждениях (школах, университетах и т.п.).

⁹ Исследования домохозяйств в России показывают, что женщины уделяют гораздо больше времени и сил домашней работе, чем мужчины [Ashwin 2006: 46-47]. Это имеет важные последствия для возможностей гражданского участия женщин участвовать в публичной сфере.

¹⁰ Тест Chi-Square: 0.008, 0.001 < p 0.01.

С точки зрения участия в политических партиях и других общественных организациях, пол руководителей не был статистически значимым. Лишь 20% руководителей (9 женщин и 12 мужчин) имели партийные билеты. 72% респондентов не принимали участия в деятельности какой-либо общественной организации кроме своей собственной. Таким образом, участие лидеров организаций в общественной деятельности представляется эксклюзивным, так как лишь немногие из них состоят в нескольких организациях. Отвечая на вопрос о своем участии в общественной жизни в советское время, 10% опрошенных тверских руководителей заявили, что занимали ту или иную должность в КПСС, а 28% - что были членами КПСС. Лишь 11 % руководителей организаций не принимали никакого участия в деятельности общественно-политических организаций в советское время, что не удивительно, поскольку большинство руководителей принадлежали к советскому поколению.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО С ДРУГИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Нехватка финансовых ресурсов является главным препятствием для российских НПО. В ходе нашего исследования руководителям организаций было предложено назвать два наиболее важных источника финансирования. Среди первостепенных по значимости источников чаще всего упоминались членские взносы, спонсорство частного предприятия и финансовая поддержка администрации Тверской области. Если мы объединим все государственные источники финансирования (городские, областные и федеральные) в один, то он превысит спонсорскую поддержку частных предприятий, набрав 22% и оказавшись вторым по значимости источником финансирования. Вероятно, может показаться в какой-то степени странным, что лишь 10% исследованных нами организаций упомянули зарубежных доноров как основной источник финансирования. При объединении первичных и вторичных источников финансирования получается следующая картина (см. табл. 3).

167

Таблица 3

Наиболее важные источники финансирования исследованных НПО (n=105)

Источник финансирования	Процент
Членские взносы	34
Спонсорство частного предприятия	31
Финансовая поддержка администрации Тверской области	23
Финансовая поддержка городских властей	11
Зарубежный фонд	10
Коммерческая деятельность	10
Финансовая поддержка органов центральной власти	8
Российский фонд	2
Иное*	20
Наша организация не имеет денежных доходов	17

* Эта категория включает пожертвования, различные внутренние ресурсы организации, поддержку со стороны университетов (например, предоставление помещения), вступительные взносы и плату за оказание тех или иных услуг.

На первый взгляд, членские взносы и спонсорство частных предприятий по-прежнему остаются важнейшими источниками финансирования. Однако, если объединить три разных уровня государственной поддержки, то доля государства достигнет 42%, что позволяет считать его самым значимым финансовым источником НПО. Лишь 10% организаций заявили, что получают финансовую поддержку со стороны зарубежных доноров. Это может сигнализировать о том, что зарубежная финансовая поддержка, оказываемая российским общественными организациями (особенно провинциальным), пошла на убыль. Значительную долю государственной поддержки можно также объяснить упадком международного финансирования; возможно, НПО стали чаще, чем раньше, обращаться за финансовой помощью к государству.

С тем, чтобы выяснить, стремятся ли НПО к установлению горизонтальных связей с другими общественными организациями, или тяготеют к государству/ международному сообществу, руководителям организаций был задан вопрос о трех самых важных партнерах их организаций (см. табл. 4).

Таблица 4

Наиболее важные партнеры исследованных общественных организаций (n=105)

Партнер	Процент
Областная администрация	51
Городская администрация	47
Общественная организация (и)	35
Частное предприятие	15
Городская Дума	11
Православная церковь	11
Иностранный партнер	10
Политическая партия	9
Органы федеральной исполнительной власти	8
Законодательное собрание Тверской области	8
Государственная Дума	4
Профсоюз	1
Преступные группировки	0
Иное	18
Нет партнеров	8

Главной ареной деятельности НПО является местное сообщество, сотрудничество устанавливается, главным образом, на местном уровне. Органы исполнительной власти города и области оказались самыми важными партнерами. Третьим из самых важных партнеров были общественные организации. Лишь одна организация заявила о своем сотрудничестве с профсоюзами. Это можно объяснить тем фактом, что профсоюзы, как правило, стремились устанавливать вертикальные отношения с государством, а не горизонтальные отношения с другими общественными организациями. Весьма примечательно то, что лишь несколько организаций сотрудничали с законодательными органа-

ми и политическими партиями. Менее 10% организаций заявили о своем сотрудничестве с иностранными партнерами. Это указывает на то, что тверские организации в целом не ориентируются на международное сообщество. Упоминание государства как важнейшего источника финансирования говорит о том, что общественные организации тяготеют к государству.

Это тяготение обнаруживается и при анализе ответов на вопрос, с кем общественные организации хотели бы усилить сотрудничество. Тверские НПО предпочитают вертикальные связи — отношения с государственными органами - укреплению отношений друг с другом на горизонтальном уровне. Более всего общественные организации настроены развивать сотрудничество с городской (33%) и областной (50%) администрациями и с Законодательным собранием Тверской области (14%). 11% НПО выразили желание укреплять сотрудничество с другими общественными организациями и зарубежными партнерами. Лишь 1% опрошенных организаций выразил желание укреплять сотрудничество с политическими партиями; ни одна организация не собиралась сотрудничать с профсоюзами.

Сильное желание НПО сотрудничать с областной администрацией можно частично объяснить тем, что незадолго до проведения нашего исследования в Тверской области был избран новый губернатор. Возможно, интерес общественных организаций к такому сотрудничеству свидетельствует о надеждах, возлагавшихся на его администрацию. Желание сотрудничать с городской властью было также сильно, но все же меньше, чем с областной администрацией. Предыдущая городская администрация считалась весьма активным сторонником развития общественных организаций, однако с избранием в 2003 г. нового главы города ситуация значительно изменилась. Многие организации жаловались, что мэр относится к общественным организациям свысока, несмотря на то, что до избрания сам возглавлял общественную организацию, тогда как его предшественник поощрял контакты администрации с НПО.

Руководителям организаций было предложено ответить на вопросы о характере сотрудничества их организаций с властями. 83% заявили, что сотрудничают с городской администрацией, а 81% - с областной администрацией. Что же касается органов федеральной исполнительной власти, то с ними общественные организации практически не сотрудничали. На всех уровнях власти общественные организации реже сотрудничают с законодательной властью чем с исполнительной. Тем не менее, общим знаменателем для их сотрудничества с обеими ветвями власти является ослабление связей от местного к федеральному уровню власти. Аналогичная ситуация отмечалась в более ранних исследованиях, проводившихся в других регионах России [Якимец 2002; Севортьян, Барчукова 2002; Henderson 2003: 57]. То, что НПО больше ориентированы на исполнительную, чем на законодательную власть объясняется, во-первых, доминированием исполнительной власти в российской политической системе [Urban et al. 1997]. Во-вторых, исполнительная власть обладает большим объемом ресурсов, чем законодательная, что делает ее более притягательной для общественных организаций. В-третьих, более слабо выраженная ориентация на законодательную власть может быть следствием общего недоверия НПО к политической сфере. В глазах общественных организаций и населения России в целом репутация политиков изрядно запятнана (см. табл. 5).

Сотрудничество тверских НПО с исполнительной и законодательной властью (в %)

	Степень сотрудничества	Уровень сотрудничества		
		город	область	Федерация
Исполнительная власть (n=105)	Не сотрудничаем	17	19	65
	Мало сотрудничаем	27	25	14
	Иногда сотрудничаем	30	17	13
	Интенсивно сотрудничаем	26	39	7
	Итого %	100	100	100
Законодательная власть (n=104)	Не сотрудничаем	38	46	58
	Мало сотрудничаем	23	20	23
	Иногда сотрудничаем	25	25	15
	Интенсивно сотрудничаем	14	9	4
	Итого %	100	100	100

170

Руководителей организаций попросили оценить, насколько их организации могут влиять на принятие решений на местном уровне. 59% исследованных НПО полагают, что они могут повлиять на принятие решений, тогда как 35% ответили, что почти или совсем не могут этого делать. С точки зрения влияния на принятие решений нами не было выявлено статистически значимых различий между организациями, в которых доминировали женщины, и теми, в которых доминировали мужчины, а также между старыми и новыми организациями.

* * *

На основании анализа результатов проведенного нами исследования мы выделяем шесть центральных характеристик, которые присущи не только тверским общественным организациям, но и всему современному российскому организационному сектору. Во-первых, организационный сектор поляризован с точки зрения членства в организациях. С одной стороны, организации, созданные после 1991 г., как правило, имеют небольшое количество членов, тогда как организации, основанные в советское время, — все-союзные массовые организации - по-прежнему отличаются достаточно большим количеством членов.

Во-вторых, организации преимущественно вовлечены в непротестные виды деятельности, ориентированные на образование и осуществление совместной деятельности с органами власти и общественными организациями; они, как правило, редко применяют протестные тактики в форме забастовок или демонстраций.

В-третьих, несмотря на то, что женщины участвуют в деятельности тверских общественных организаций больше и чаще мужчин, мужчины возглавляют эти организации все же немного чаще, чем женщины. И женщины, и

мужчины, как правило, вовлечены в разные виды организационной деятельности. Женщины доминируют в традиционно маркированных как "женские" сферах социального благополучия и социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры и прав женщин, тогда как мужчины доминируют в политических партиях, военно-патриотических группах и организациях, занимающихся вопросами спорта и досуга.

В-четвертых, главную роль в общественных организациях играют образованные и культурный капитал. Это проявляется не только в том, что общественные организации в большинстве своем занимаются вопросами образования, но также и в том, что в этих организациях, как правило, доминирует именно образованный класс. Образовательные учреждения, - например, университеты, - зарекомендовали себя как структуры, способствующие развитию общественной деятельности, поскольку многие организации были созданы на базе и функционировали в тесной связи с этими учреждениями. Однако такое главенствующее положение образования можно интерпретировать и как потенциальную проблему. Например, это может означать, что те социальные группы, которые не обладают культурным капиталом, будут вытесняться из публичной сферы, что ограничит их возможность пользоваться своими гражданскими и политическими правами.

В-пятых, институционализация социальных сетей представляет собой основную логику развития общественной деятельности в России. Наиболее популярными каналами рекрутирования новых членов в общественные организации являются частные каналы, которые, похоже, играют более важную роль в развитии общественных организаций в России, чем, например, в США, тогда как организационные связи в процессе рекрутирования для российских общественных организаций представляются весьма слабыми. Небольшое членство в организациях, основанных в постсоветскую эпоху, и главенствующее положение рекрутирования через частные каналы позволяют предположить, что постсоветский организационный сектор строится вокруг ранее существовавших социальных сетей. Создание организации может рассматриваться как форма взаимопомощи, поскольку статус организации способствует конвертации социального капитала в экономический, предоставляя потенциальный доступ к государственному и зарубежному финансированию. Несмотря на то, что НПО отнюдь не всегда предлагают своим членам экономический капитал в виде зарплаты, они, тем не менее, нередко дают возможность поддержать и аккумулировать культурный капитал, - например, открывая доступ к образовательным программам, что впоследствии может превратиться в экономический капитал на рынке труда.

Наконец, НПО локализируются и тяготеют к сотрудничеству с исполнительной властью. Анализ источников финансирования и практик сотрудничества общественных организаций в Твери свидетельствует о сильном тяготении этих организаций к государству. Государство в целом является важнейшим источником финансирования общественных организаций, а муниципальные и региональные органы исполнительной власти, соответственно, являются важнейшими партнерами общественных организаций. Кроме того, общественные организации ориентированы на сотрудничество именно с властями. Это означает, что НПО, как правило, стремятся развивать не

столько горизонтальные, сколько вертикальные связи. Отсутствие сотрудничества и доверия к политическим институтам можно интерпретировать как проблему, поскольку это не позволяет НПО доводить требования граждан до принимающих решения органов власти, что в конечном итоге может самым серьезным образом ограничить реализацию политического гражданства.

Тесные взаимоотношения между общественными организациями и властями, выявленные в ходе нашего исследования, можно интерпретировать двояко. Во-первых, их можно рассматривать как знак установления партнерских отношений между властью и НПО. Во-вторых, это может сигнализировать о том, что НПО становятся более зависимыми от власти, следовательно, их способность действовать независимо может быть затруднена. Поскольку финансирование со стороны зарубежных доноров пошло на убыль, представляется вполне возможным, что организации более чем когда-либо потянулись к государственным органам власти в поисках финансирования. Существует опасность, что общественные организации станут все больше утрачивать независимость и превращаться во вспомогательные органы государства, осуществляющие делегированную им государством политику в обмен на правительственное финансирование. Это означает, что государство постепенно вторгается в гражданскую сферу, тем самым подрывая индивидуальную и политическую автономию как ключевые элементы демократического правления.

Здравомыслова Е.А. 2005. Современные российские НПО. Проблематизация активного гражданства — Leppanen A. (ed.) *Kansalaisyhteiskunta liikkeessa yli rajojen: Sosiaalisen ja terveysalan jdrjestot lahialueyhteistyossa*. Helsinki: Palmenia-kustannus.

Ковалев В.А. 2002. Республика Коми: некоторые особенности взаимодействия общества и государства в постсоветский период — Михалева Г.М., Рыженкова С.И. (ред.) *Граждане и власть: проблемы и подходы. Studiapolitica*, вып. 5. М., СПб.

Романов П.В. 2002. Негосударственные организации Самарской области — Михалева Г.М., Рыженкова С.И. (ред.) *Граждане и власть: проблемы и подходы. Studiapolitica*, вып. 5. М., СПб.

Севортьян А., Барчукова Н. 2002. Некоммерческий сектор и власть в регионах России. - *CAFRussia*, М.

Шереги Ф.Э., Абросимова Е.А. 2002. Правовые инициативы общественных организаций. — Шереги Ф.Э. *Социология права*. СПб.: Алетейя.

Якимец В.Н. 2002. Механизмы межсекторного взаимодействия: типы, региональные примеры, примеры взаимодействия. — *Материалы семинара "Формирование гражданского общества в России"*. СПб.

Alapuro R. 1993. Civil Society in Russia? — Iivonen J. (ed.) *The Future of the Nation State in Europe*. Edward Elgar, Aldershot.

Ashwin S. 2006. The Post-Soviet Gender Order: Imperatives and Implications. - Ashwin S. (ed.) *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour*. L., N.Y.: Routledge.

Bourdieu P. 1984. *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. L., N.Y.: Routledge.

Brygalina J., Temkina A. 2004. The Development of Feminist Organisations in St. Petersburg 1985-2003. - Castren, A - M., Lonkila M., Peltonen M. (eds.) *Between Sociology and History*. Helsinki: SKS.

Diani M. 2004. Networks and Participation. - Snow D.A., Sarah A. S., Hanspeter K. (eds.) *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford: Blackwell Publishing.

Helander V. 2002 *Kolmas sektori: kdsitteista, ulottuvuiksista ja tulkinnoista*. Helsinki: jaudeamus.

- Hemment J. 2004 The Riddle of the Third Sector: Civil Society, International Aid, and NGOs in Russia. *Anthropological Quarterly* vol. 77, № 2.
- Henderson S. 2003. *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support to Grass-roots Organizations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Henry L. 2002. Two Paths to a Greener Future. Environmentalism and Civil Society Development in Russia. — *Demokratizatsiya*, vol. 10, № 2.
- Howard M. 2003. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kubik J. 2005. How to Study Civil Society: The State of the Art and What to Do Next. - *East European Politics and Societies*, vol. 19, № 1.
- Ledeneva A. V. 1998. *Russia's Economy of favours. Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lonkila M. 1999. *Social Networks in Post-Soviet Russia. Continuity and Change in the Everyday life of St. Petersburg Teachers*. Helsinki: Kikimora Publications!
- McAdam D., Paulsen R. 1993. Specifying the Relationship Between Social Ties and Activism. — *The American Journal of Sociology*, vol. 99, № 3.
- Petukhov V. 2005. Political Participation and Civic Self-Organization in Russia. — *Russian Politics and Law*, vol. 43, № 3.
- Richter J. 2002. Promoting Civil Society? Democracy Assistance and Russian Women's Organizations. — *Problems of Post-Communism*, vol. 49, № 1.
- Sampson S. 2002. Beyond Transition: Rethinking Elite Configurations in the Balkans. — Hann C M . (ed.) *Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. L., N. Y. : Routledge.
- Snow D., Zurcher L., Ekland-Olson S. 1980. Social Networks and Social Movements: A Microstructural Approach to Differential Recruitment. — *American Sociological Review*, vol. 45, № 5.
- Sperling V. 1999. *Organizing Women in Contemporary Russia. Engendering Transition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urban M. (et. al) 1997. *The Rebirth of Politics in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. **173**
- White A. 1999. *Democratization in Russia under Gorbachev 1985-91. The Birth of a Voluntary Sector*. Basingstoke, L.: Macmillan.
- Yanitsky O. 2000. *Russian Greens in a Risk Society*. Helsinki: Kikimora Publications.